

История с методологией

(отклик на статью Е. Багиной «Системно-методологический подход к истории архитектуры и градостроительства Марка Мееровича»)

A Methodology Story

(Response to the article “Mark Meerovich’s System-Based Methodological Approach to the History of Architecture and Town-Planning” by E. Bagina)

Когда мы пытаемся оценить сложное, многомерное явление, а тем более – столь же сложного и многомерного человека, его дело и его творения, мы вольно или невольно стремимся к синтезу, к некоторой идее целостности, которая смогла бы примирить противоречия и объяснила все виды разнообразия. Ведь целостность ценна, к ней следует стремиться, ей следует подражать, а тексты о ярких людях или произведениях неустраимо, помимо прочего, имеют еще и момент «назидания потомкам»; это совершенно правильно, это нормально.

Проблемы начинаются тогда, когда принятая за объединительную идея или схема по самой своей природе противоречит сущности описываемого. Так случается с иными историческими реконструкциями, опирающимися на более позднюю идею, возникшую позже описываемых событий. Так бывает с авторами-фантастами, стремящимися к парадоксальным моделям или хотя бы к броской метафоре. В истории нашей архитектурной и теоретико-проектировочной мысли хватает сочинений с громкими названиями, обещающими прорыв и открытие, за которыми стоит лишь разочарование, сразу постигающее читателя или, позже, самого автора, с извиняющимся видом идущего на попятную.

Книги и статьи Марка Григорьевича Мееровича были, как правило, посвящены довольно печальной теме, но он не стремился к броскости не только поэтому. М. Г. Меерович был верен своей линии до конца; его отличал вдумчивый и сдержанный подход, ему необходимо было обработать и осмыслить огромное количество документов и информации разного рода. Обычно авторы, имеющие дело с подобными задачами, просто отступают перед синтезом новой концепции, ограничивая себя фактографией. «Другие пусть синтезируют и строят красивые гипотезы, – говорят они. – Мое дело – скрупулезный сбор и анализ информации». Но Марк Григорьевич счастливо соединял две стратегии, две фигуры исследователя – и архивного «червя», и сильного мыслителя, порождающего новые парадигмы. Что позволяло ему органично и целостно выступать в столь разных ролях? Что позволяло постоянно видеть «картину» в целом и не погрязнуть в мелочах, при этом не упустить ни одну деталь, найти ей место и показать ее смысл, далеко не очевидный? Что держало его в убеждении правильности своей линии и необходимости своей работы, наверняка регулярно вызывавшей отчаяние характером материала? Что давало силу и право на чеканные формулировки, возникающие в текстах и речах, соединяющие все, пронзающие читателей и слушателей?

Елена Юрьевна Багина в статье о М. Г. Мееровиче выдвигает предположение, что такой цементирующей силой была методология – теория мышления и деятельности Московского методологического кружка, руководимого Г. П. Щедровицким. Это утверждение из разряда т. н. «сильных»: принимая его, мы уже не сможем быть вполне от него свободными. Известно, что М. Г. Меерович был очень плотно интегрирован в методологическое сообщество, о чем он сам вспоминал в биографическом тексте на сайте «Научный фонд им. Г. П. Щедровицкого». Он был заметным активистом движения, по праву считал себя методологом, однако его исторические труды никто пока, кажется, не ставил в прямую связь с методологией деятельности.

Роль Марка Григорьевича в системомыследеятельностной (СМД) методологии велика: с его «подачи» сложилась знаменитая схема мыследеятельности, ставшая краеугольным камнем множества крупных и значимых разработок, исследований, проектов, программ, организационно-деятельностных игр. Пусть об этом скажут более знающие люди, однако никто, кажется, не ставил под сомнение умение М. Мееровича использовать полученный в кружке арсенал. Усвоив принципы, методы, схемы, понятия, отказаться от них, «забыть» их уже невозможно, каким бы делом ты ни занимался, какую бы тему не изучал. Об этом уже говорили многие, прошедшие школу методологии.

Разумеется, характер личности и недюжинные способности со счетов сбросить нельзя, но решающее значение в столь грандиозной работе, которую проделал в истории советской архитектуры и градостроительства Марк Григорьевич, имеет онтология – картина мира, полагание объектов исследования. Ни категория стиля, ни традиционные модели истории архитектуры, ни даже острая политическая ангажированность не дадут необходимого объединительного начала. Ведь все факты – о разном, все свидетели лгут, документы скрыты и нередко фальсифицированы, целые пласты информации зияют отсутствием, правду открыть невыгодно никому, да ее почти никто уже не знает – такова специфическая реальность, с которой имел дело исследователь.

Парадигма системы деятельности позволяет все объединить, увидеть роли и позиции, восстановить отсутствующее и «привязать» все детали. Она не является «модной», не являлась уже и лет тридцать назад, когда шла активная работа МГ. Ее использование не приносит быстрых результатов, требует дисциплины и непреклонной организационной активности, а приложение в область масштабного исторического исследования многопозиционной деятельности (и связанных с ней областей жизнедеятельности) на протяжении целой эпохи, да еще и такой драматичной и засекреченной, вообще было осуществлено впервые, на свой страх и риск. И осуществлено, как мы знаем, успешно.

Поэтому утверждение о деятельностном характере исследования советской жилищной архитектуры и градостроения не является «красивым жестом» ни в коей мере. Никакого внешнего блеска здесь не возникает, но объединение и «свёртка» сложного материала в новую концепцию имеет место. Метод мыследеятельностного анализа применим к любым эпохам (так, Г. П. Щедровицкий осуществил анализ мышления Аристарха Самосского, III в. до н. э.) именно потому, что позволяет понять и выявить природу самого явления, его уникальность, а не «накладывать» на него предвзятую форму.

Открытие М. Г. Мееровича состоит в том, что «принуждение жилищем», т. е., казалось бы, разнонаправленная, несогласованная, а то и случайная с виду картина многих инициатив, решений, гласных и негласных действий, чиновничьих процедур и пр. была именно деятельностью – целенаправленной и эффективной для своих задач. Не хаосом, сумбуром, не паллиативом социально озабоченной власти, не досадным и временным недоразумением, не «перегибами на местах», но выстроенной и хорошо управляемой деятельностью со всеми требующимися для полноты ее сферы процессами, включая

текст
Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

воспроизводство – «подготовку кадров», которые, как известно, «решают все». Как при этом трансформировалось творчество, что стало с проектированием как методом и технологией, что начало считаться объектом архитектурной и градостроительной работы – все эти и многие другие вопросы получили в работах Марка Григорьевича яркую и убедительную оценку, системную характеристику. Такая постановка вопросов позволила Марку Григорьевичу и тем, кто разделял его видение, выдвигать связную систему требований к новой, актуальной форме организации образования, науки, знания, взаимодействия профессии с обществом и властью – новую систему архитектурной деятельности. Новый организационно-деятельностный проект. Он не успел получить явного воплощения, смерть прервала работу, но его согласованные между собой черты очевидны, они осуществлялись в широкой общественной и профессиональной деятельности Марка Григорьевича.

В завершение сказанного хочу поблагодарить Е. Ю. Багину за смелость и точность формулировок; ей удалось, можно даже сказать, пришлось назвать своим именем ту парадигматическую основу трудов М. Мееровича, о которой все, кто хорошо знал его, имели представление, которая не была секретом, но как-то не выступала на передний план, предоставляя это право результатам исследования – интеллектуальной продукции, приготовленной на методологической «печи». Не выступала, возможно, в силу сравнения с манерой позиционировать себя другими представителями СМД-традиции, которые не могут слова сказать без цитаты «классиков», без натужной схематизации и без выстраивания самоопределения к актуальному отрезку «малой истории кружка». М. Г. Меерович как натура многогранная дистанцировался от такого, ему это было не нужно. У Марка история была с собой; он сам ее строил. И он вошел в Историю.

Марк Меерович и СМД-методология / Mark Meerovich and SMD Methodology

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

В своей статье, посвященной памяти Марка Мееровича, Е. Багина выдвигает тезис о близости работ Мееровича идеям СМД-методологии Г. П. Щедровицкого. Мне и хотелось бы поверить в это наблюдение, так как именно я в свое время, может быть, в начале 80-х годов, посоветовал молодому Марку присоединиться к кружку Щедровицкого, что он и сделал, принимая участие в ОД-играх, начавшихся в конце 1979 года.

Но увы, кроме нескольких ссылок на выступления Марка в ходе ОДИ, я не могу найти между его историческими трудами и СМД-методологией никаких реальных связей. Все работы Марка, которые мне известны, посвящены в большей степени задачам десталинизации истории советской архитектуры. Эта десталинизация, или критика административно-командной системы партократии И. В. Сталина, разрушившей начало архитектурного конструктивизма в СССР, стала центральной темой самого Мееровича и его друга и единомышленника Д. Хмельницкого. Но если Хмельницкий в своих статьях и книгах основное внимание обращает на непосредственное участие Сталина в выборе направления архитектурных идей и стиля, Меерович сосредоточивает свое внимание на жилищно-коммунальной политике сталинской империи.

Достаточно показательно, что в итоговой книге Мееровича «Наказание жилищем» (2008) нет ни одной ссылки на Г. П. Щедровицкого или СМД-методологию. Если бы Е. Багина была права, хоть какие-то следы связи идей автора с СМД-методологией в ней наверняка присутствовали бы.

Так что изучение реальных идейных влияний на историографию Мееровича нашей науке еще предстоит уточнить. Разоблачение партократии в сфере жилища Марк строит на документах, а не отвлеченных концепциях методологии. И делает это с поразительной силой и точностью.

Общим для работ Мееровича и Щедровицкого можно назвать лишь самую проблему социального управления, которая в 70-х годах выходит на первый план социологии города и дизайна жилой среды.

Но в отличие от работ, строившихся на информационно-коммуникативных концепциях и социологических

исследованиях городского образа жизни тех времен, Меерович берет за основу вменявшийся массам и профессиям образ жизни, подчиненный бюрократии, озабоченной скорейшей индустриализацией страны. И в этом образе жизни смешаны идеи монастыря средних веков и трудового лагеря XX века.

Работая в Иркутске и занимаясь преподаванием вместе с К. Лидиным, Меерович одно время даже примкнул к популярной для советской архитектуры идее типологии образа жизни. Но вместо типологии образа жизни, измеряемой количеством квадратных метров на человека, наличием сантехники и прочих элементарных удобств, Меерович и Лидин пытались построить типологию личностей разного социокультурного профиля, что уводило их мысль от реальных вопросов современного массового проектирования к утопиям XVIII–XIX веков. И эта линия ими вскоре была забыта.

Годы творчества Мееровича в Иркутске совпадали с годами работы в городе выдающегося мастера советского модернизма В. А. Павлова. Но никаких следов влияния Павлова в трудах Мееровича я тоже не нашел.

